

ОНТОЛОГО – ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Расулова Г. Н.

Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции в г. Худжанде(ТГУК). г. Худжанд, ул. Ленина 169, e-mail: tguk-euk@yandex.ru

У знаменательных слов, в том числе у глагола в семантическом плане имеется онтологическая и логическая основа. У каждого действия и состояния имеются свои существенные и различительные признаки, которые дифференцируют одно действие или состояние от другого. Своими органами чувства человек с детского возраста воспринимает эти признаки и они получают свое отражение в его сознании в виде понятия. Эти понятия в языке получили свое название в форме глагольного слова, у которого имеется свое значение. В основе значения глагольного слова лежат именно вышеуказанные существенные и различительные признаки действий и состояний материального мира, выступающие в форме отношений и запечатляющиеся в сознании индивида в форме понятия. В формировании значения слова главную роль играет понятие, но в нем есть и человеческий фактор. На основе своего жизненного опыта и комбинирования одного понятия с другим человек расширяет значение глагола, в результате чего содержание глагольного слова становится богаче, чем содержание понятия о действии или состоянии.

Ключевые слова: знаменательные слова, субстантивная семантика, признак, сознание, материальный мир, глагольное слово, действие, состояние, понятие.

ONTOLOGY AND LOGIC BASES OF THE VERB NOTION (BY MATERIAL ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES)

Rasulova G. N.

Institute of Economy and Trade of the Tajik State University of Commerce in Khujand, Khujand, st. Lenin 169, e-mail: tguk-euk@yandex.ru

National words, including the verb in the semantic plane have ontological and logical basis. Every action and state has its own significant and distinctive features that differentiate one action or state from another. A human perceives these features by his sense perceptions from childhood and they get reflected in mind as a concept. In the language these concepts have received the name of verbal word which has its own meaning. The above essential and distinctive features of actions and states of the material world lie on the bases of verbal word which takes the form of relations and reflected in the consciousness of the individual in the form of concepts. A human extends the meaning of the verb based on his experience and combining one concept with the other, as a result, the content of the verbal word becomes richer than the content of the concept of an action or state.

Keywords: significant words, substantive semantics, a sign of consciousness, the material world, verbal word, action, state, concept.

Глагол, как в английском, так и в таджикском языке характеризуется широтой своего содержания. Более того, у него имеется множество грамматических категорий и форм словоизменения, и он вступает в сложные парадигматические и синтагматические отношения со словами субстантивной семантики. Поэтому роль глагола велика в конструировании словосочетаний и предложений в обоих языках. Прав в этом отношении профессор А. В. Бондарко, который подчеркнул, что лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико – грамматическими компонентами [2, 155], т.е. соотношение этой части речи с другими лексико – грамматическими разрядами слов определенного класса. Если лексическое значение слова связывать только с этим фактором, то приходится игнорировать назначение

слова как номинанта окружающей нас материальной действительности. Поэтому прав Д. Н. Шмелев, который считает, что при определении лексического значения слова невозможно ограничиться собственно языковыми моментами, такими, как сочетаемость и соотношение данного слова (в нашем случае глагола – Г. Р.) с другими, сопоставленными с ним по определенным признакам. Сочетаемость - важнейший показатель значения слова, но именно показатель, а не само значение [12, 55-56].

У понятия имеется также объем, под которым Е. Войшвилло понимает “класс обобщающих в нем предметов. Отдельные элементы этого класса (предметы, мыслимые в понятии, объекты мысли) называются элементами класса или элементами объема понятия, а подклассы его – частями класса или частями объема понятия” [4, 164]. В качестве примера можно привести глагол “to go - рафган” (идти). Содержанием этого понятия является следующее: 1) оно предполагает движение, 2) у движения имеется направление, 3) у движения имеется средство (ноги, колеса), 4) оно характерно для человека, животных и др., 5) у движения есть скорость и т.д. У глагола “to fly – паридан” (летать) имеется совсем иное содержание. Этот глагол обозначает такое действие, которое подразумевает птиц, самолет, небо, скорость полета и т.д.

Из анализа этих примеров можно прийти к заключению, что исходное значение слова обладало прямой предметной соотнесенностью, что составляет онтологическую основу семантики слова. По этому поводу удачно высказался Л. С. Выгодский, говоря, что в слове следует различать две стороны: его “предметную соотнесенность” (обозначающую функцию слова) и ту систему связей и обобщений, которая стоит за словом и ею является значение. Он также отчетливо показал, что при одной и той же предметной соотнесенности, слово может иметь разные значения и что на последовательных этапах онтогенеза значение слова развивается [6,151] о чем ярко свидетельствуют наши вышеприведенные примеры из таджикского, английского и русского языков.

В связи с наличием тесной связи со значением слова и понятием возникает два вопроса: 1) Лежит ли в основе лексического значения понятие? 2) Какое соотношение имеется между понятием и словом?

По первому вопросу между учеными – лингвистами наблюдается разногласие. В частности Д. Н. Шмелев на одной странице [12, 58] своей работы пишет, что “лексическое значение слова определяется соотнесенностью слова с соответствующим понятием”. Из этой цитаты выходит, что любое слово соотносится с понятием. А на другой странице [там же, 60] он отмечает, что “в основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие”. Чуть ниже [там же, 61] читаем: “Связь между значением и понятием не является

односторонней. Сами понятия как категории мышления формируются и закрепляются в языке, в словесных знаках”.

Нам представляется, что на основе не каждого слова лежит понятие. В частности, у междометий нет своих денотатов, и соответственно в нашем понятии отсутствуют понятия о них. В качестве другого примера можно привести союзы типа “ки” – “that”, предлогов типа “of”, “дар” и т.д., у которых не могут быть ни денотатов, ни десигнатов. То же самое можно обнаружить в сфере глагольной лексики. Например: 1) Аммо бо мурури вақт ахвол дигаргун шудан гирифт [14, 56]. 2) Бояд касоне, ки барои танбеҳи деҳаи Ишриниен рафта буданд, омада истода бошанд [13, 389].

В первом примере у глагола “гирифт” нет никакого лексического значения и поэтому он не обозначает никакого понятия. Во втором предложении словоформы “буданд”, “истода” и “бошанд” лишены своих десигнатов.

Примеры из английского языка: 1) Since then I have seen working in Natal [16, 53]. 2) I would have removed from those works if I had had the power [15, 71]. В первом примере у слов “have” и “been” нет понятийной основы. Не выражают понятие так же и слова “would”, “have” и первый “had” во втором примере. Кроме того, человек своим языком может выражать не только внешний мир, но и свой внутренний мир, свои чувства, у которых может отсутствовать онтологическая и мыслительная основа. Поэтому права И. В. Арнольд, которая пишет, что у местоимений имеется указательная функция, что говорит о почти полном отсутствии у них сигнификативной функции, т.е. они только указывают и не сообщают никакой информации о предмете [1, 119]. Исходя из этого, она приходит к совершенно правильному заключению о том, что “логическое понятие является очень часто референтом лексического значения, но не всегда, так как могут быть и другие референты такие, как реальные объекты” [1, 119].

Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, какое соотношение имеется между понятием и словом. И в этой сфере психолингвистики наблюдается разногласие. В частности, академик И. И. Мещанинов считал, что “семантика слова – это понятие, выражаемое формальными сторонами слова. Слово называет предмет, выражает понятие, отличное от других предметов и понятий” [7, 38]. Д. Н. Шмелев по этому поводу пишет: “Будучи отображением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно заключает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящееся в определенной связи с другими понятиями” [12, 60].

Как видно, эти два автора отождествляют семантику слова и содержание понятия.

Несколько иная точка зрения выдвинута проф. И. В. Арнольд относительно связи значения слова с понятием. Она думает, что понятие всегда эмоционально нейтрально, так

как они относятся к категории мышления. А язык выражает все возможные аспекты человеческой сознательности. Понятие относится к абстрактной категории логики и поэтому у него нет связи со сферой стилистики и следовательно, у него отсутствует эмоциональный компонент [1, 119-120].

Думаем, что во многом права И. В. Арнольд. Действительно, нет полного соответствия между значением слова и содержанием понятия. Значение слова богаче и шире, чем понятие. Один из факторов широты лексического значения слова по сравнению с понятием действительно связан со стилистической окрашенностью части лексики языка. Кроме того, парадигматические связи, а также сочетаемостные потенции слов и в особенности глагольных лексем влияют на обогащение содержания слова, что хорошо прокомментированы той же И. В. Арнольд на странице 120-й указанной работы.

Нам представляется, что И. В. Арнольд преувеличивает роль языковых факторов при решении вышеуказанной проблемы. В каждом языке функционируют тысячи терминов, у которых абсолютно нет стилистического колорита. Наряду с ними имеются тысячи нетральной лексики. Кроме того, при анализе соотношения между лексическим значением слова и понятием следует брать слова вне контекста, в изолированном состоянии, ибо в человеческом сознании каждое понятие зафиксировано отдельно и в двух случаях индивид вспоминает то или иное понятие: 1) когда он включает данное понятие в свою речь, 2) когда он увидит денотат этого понятия или же услышит слово, которое номинирует это понятие.

Когда мы говорим о семантическом поведении какого-либо слова в синтагматическом плане, то следует сравнить выражаемое им понятие не в изолированном положении, а в составе пропозиции. Здесь уместно привести слова А. Р. Лурии о том, что “если слова, включенные в предложение, будут поняты слушающим, а основные синтаксические связи между ними останутся неясными, - понимание сообщения будет неполным и должно будет замениться догадками, не опирающимися на объективную структуру высказывания” [6, 148-149].

Вот еще два примера: Як қисми обро замин мемакид [13, 351]. Evening slowly steals upon the landscape [15, 163].

В таджикском примере глагол “макидан”, который на своей понятийной основе связан с живым существом, а в результате переосмысления его стали увязывать и с неодушевленными предметами, в нашем примере с землей (замин). А в английском примере глагол “to steal” (воровать, красть и т.д.) первоначально было связано с деятельностью индивида, а здесь он употреблен в значении “покрывать” или “охватывать”, и такое действие приписано не лицу, а неодушевленному предмету (вечер).

Таким образом, в качестве основы лексического значения подавляющего большинства слов как в английском, так и в таджикском языке выступает содержание понятия, которое запечатлется в сознании индивида в начальной стадии формирования того или иного понятия.

Английское слово “to build”, кроме основного значения приобрело еще следующие дополнительные значения: “сооружать”, “основывать”, “полагаться”, “вдвигать”, “вмуровывать”, “воздвигать”, “укреплять (здоровье)”, “монтировать (машину)”, “основывать”, “закладывать кирпичом” и т.д. [8, 104].

Таким образом, лексическое значение слова и в том числе глагола тесно связано с онтологическим, логическим и человеческим факторами. Первый фактор служит основой формирования понятия о предметах, явлениях и отношениях, существующих в реальной действительности. Второй фактор выступает в качестве основы значения слова. Третий (человеческий) фактор подразумевает дачу названия сформированному понятию и комбинированию этих номинантов с целью выражения своей мысли индивидом. В ходе этого процесса происходит расширение значения слова, включая процесс приобретения им стилистических функций.

Верно подметил Л. М. Васильев, общепринятой классификации глагольной лексики, как известно, нет, да и вряд ли она вообще возможна, ибо любая классификация обуславливается какими-то принципами и аспектами [3, 39].

В лингвистических источниках обычно выделяются три принципа классификации глагольной лексики:

- 1) Тематический принцип;
- 2) Парадигматический принцип;
- 3) Синтагматический принцип [3, 39]

Первый принцип считается традиционным. Он предполагает расчленение всех предметов, признаков, явлений и отношений, отраженных в сознании человека и получивших языковое выражение.

Второй принцип классификации глагольной лексики называется парадигматическим, он основывается на “выделении в значениях слов (при их сравнении с идентификатором) тождественных и дифференциальных компонентов” [3, 40]. На основе этого принципа глаголы делят на следующие группы: 1) глаголы, обозначающие действия: to wash – шуштан, to build – сохтан, to eat – хурдан и т.д. 2) глаголы, выражающие состояние: to be – будан, to become – шудан, гардидан, to be tired – хаста шудан, to be proud – фахр кардан, и др. 3) глаголы, которые называют свойства предметов: to fear – тарсидан, to cry – гиря кардан, фарёд кардан, to break – шикастан, кафидан, to hope – умед бастан и др. 4) глаголы,

указывающие на отношения: to love – дўст доштан, to meet – вохўрдан, пешвоз гирифтан, to talk – сўхбат кардан, to kiss – бўса кардан и др.

Кроме того, на основе парадигматической классификации проф. А. В. Бондарко группирует глаголы на различные лексико-грамматические разряды [2, 51]. По этому принципу глаголы можно подразделять на аспектуальные группы типа: 1) предельные глаголы: to break – шикастан, to fall – афтодан, to tear – дарондан, to jump – чаҳидан, to bend – хам шудан и др. 2) неопределенные глаголы: to think – фикр кардан, to know – донистан, to go – рафтан, to live – зиндагӣ кардан, to love – дўст доштан и т.д. 3) нейтральные или промежуточные глаголы: to read – хондан, to show – нишон додан, to build – сохтан, to page – саҳибандӣ кардан, to sell – фурӯхтан, to look – нигоҳ кардан.

Интересную парадигматическую классификацию глаголов дает проф. Г. А. Золотова. Она носит дробный характер. Она подразделяет глагол на следующие группы: 1) Акциональные глаголы, которые обозначают действие, процесс, 2) Стативные глаголы, которые обозначают состоянием (to grow – сабзидан, to darken – торик шудан), 3) Неполнозначные глаголы, куда входят глаголы типа “to begin – оғоз кардан”, модальные глаголы (can – тавонистан, must – бояд, may – шояд и т.д.), 4) глаголы – компенсаторы. В свою очередь она разграничивает пять групп акциональных глаголов [5, 365].

Третий принцип классификации глагольной лексики называется синтагматическим. В советском языкознании на эту проблему обратил особое внимание проф. Г. Г. Почепцов. Его теория основывалась на учете семантического содержания глагольных валентностей [10, 8 – 10].

Таким образом, в семантическом плане глагол представляет собой сложное и многоаспектное явление языка. Его обычно классифицируют на основе трех принципов: денотативный, парадигматический, синтагматический. Первый признак основывается на онтологическом расчленении предметов и их отношений, которые находятся в тесной связи между объектом и явлениями материального мира.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Учебник - 3-е изд., М.: “Высшая школа”, 1986. — 295 с.
2. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. – 248 с.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: “Высшая школа,” 1981. – 186 с.
4. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М.: Изд. МГУ, 1989. – 293 с.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: “Наука”, 1973.

6. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд. МГУ, 1975. – 253 с.
7. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л.: “Наука,” 1975. – 352 с.
8. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1961. – 912 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. 15-е стереотипное издание. М.: “Русский язык”, 1984. – 900с.
10. Почепцов Г. Г. О принципах синтагматической классификации глаголов // Филологические науки, 1969, № 3. –с. 8 –13.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ. ҷ. II. М.: “Советская энциклопедия,” 1969. – 950 с.
12. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: “Просвещение,” 1977. – 336 с.
13. Иллюстрированный материал:
14. Айнӣ С. Куллиёт ҷ. 3. Сталинобод, Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. – 622 с.
15. Улуғзода С. Пири ҳақимони машриқзамин. Душанбе: “Маориф”, 1980. – 198 с.
16. Dickens Ch. M.: Martin Chuzzlewit. М.: “Foreign languages publishing house”, 1951. – 482 р.
17. Haggard H. King Solomon’s mines: М.: “Progress publishers”, 1972. – 224 р.

Рецензенты:

Азимова М.Н., д.фил.н., профессор кафедры фонетики и лексикологии факультета иностранных языков Худжандского государственного университета имени акад. Б. Гафурова, г. Худжанд;

Ходжаева М.Ю., д.фил.н., профессор, проректор по научной работе Худжанского государственного университета имени акад. Б. Гафурова, г. Худжанд.